

семинаріи новую жертву. Телеграмма изъ Ростова-на-Дону принесла печальную вѣсть, что Я. И. Туберововъ скончался 8 сего августа въ 9 часовъ вечера. Извѣстіе въ высшей степени скорбное для семинаріи, а еще болѣе, безъ сомнѣнія, для отца, матери, братьевъ и сестеръ почившаго. Семинарія, въ лицѣ своихъ питомцевъ, потеряла въ Як. Ил. добраго и благо разумно снисходительнаго наставника, а потерю со стороны отца и матери почившаго трудно изобразить. — Считаю не лишнимъ предложить краткія некрологическія свѣдѣнія объ Я. И. на молитвенную память о немъ“. Сообщивъ далѣе эти свѣдѣнія, о. ректоръ заключилъ ихъ слѣдующими словами: „Смерть—общій удѣлъ всѣхъ живущихъ на земли. Она не разбираетъ ни возрастовъ, ни пола, ни положенія и никакихъ заслугъ человѣка, ибо непреложно Божіе слово для всѣхъ людей: „Земля еси и въ землю отыдеши“. Но непреложны и другія слова божественнаго писанія: „Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ“, т. е. вѣрующіе въ Иисуса Христа: „ой, упокоятся отъ трудовъ своихъ“. — Помолимся, братія и сестры о Христѣ, да упокоитъ Господь Богъ душу усопшаго раба Божія Іакова, вѣрующаго въ Иисуса Христа, Сына Божія, упокоитъ вмѣстѣ со святыми въ царствіи небесномъ!“

Прахъ Я. И. Туберовова, заключенный въ двухъ гробахъ: деревянномъ и цинковомъ, привезенъ былъ въ Астрахань въ полдень 17 августа, въ среду, а отпѣваніе происходило на другой день въ градской Казанской церкви, въ приходѣ которой, въ квартирѣ своего отца, проживалъ покойный. 18-го августа, къ 8^{1/2} час. утра, несмотря на шедшій почти все утро дождь, на пристань „пароходнаго общества по Волгѣ“, гдѣ стоялъ закрытый изящный гробъ съ останками усопшаго, убранный зеленью, цвѣтами и вѣнками, собрались ученики духовной семинаріи съ инспекторомъ семинаріи Я. В. Лебединскимъ и помощникомъ инспектора преподавателемъ семинаріи Г. С. Смирновымъ, наставники семинаріи, нѣкоторыя воспитанницы старшихъ классовъ Маріинской женской гимназіи съ классными дамами и и. д. начальника гимназіи Н. В. Давровымъ, знакомые почившаго и мѣстное духовенство съ протоіереемъ градской Гостинно-Николаевской церкви Г. Г. Покровскимъ (бывшимъ наставникомъ покойнаго по семинаріи) во главѣ. Въ назначенное время, послѣ литіи, гробъ почитателями усопшаго былъ перенесенъ на рукахъ, подъ печальный трезвонъ колоколовъ, въ мѣстный Казанскій храмъ, гдѣ тотчасъ-же о. ректоромъ семинаріи протоіереемъ К. В. Ястребовымъ въ сослуженіи священниковъ Вл. Я. и Вас. Я. Лебединскихъ начата была заупокойная литургія, при умилительномъ пѣніи хоромъ семинаристовъ на прѣпомъ и лѣвомъ клиросахъ. По окончаніи божественной литургіи, предъ началомъ отпѣванія, бывшій ученикъ покойнаго, пѣвшій студентъ Казанской Духовной Академіи А. К. Ястребовъ почтилъ память своего бывшаго наставника слѣдующимъ прочувствованнымъ словомъ:

„О суета суетъ, всяческая суета!“ Такъ нѣкогда грустно восклик-

нулъ одинъ изъ древнихъ богодухновенныхъ мудрецовъ — Соломонъ, убѣжденный личнымъ опытомъ въ непостоянствѣ, измѣчивости и скоротечности всего земного. Слишкомъ три тысячи лѣтъ тому назадъ были сказаны эти слова. Но и доселѣ они еще остаются вѣчно юными, вѣчно новыми и вѣчно правдивыми. Эта истина глубокой старины до сихъ поръ еще заставляеть каждого изъ насъ опытно убѣждаться въ ея ужасной и нежелательной справедливости. Дѣйствительно, земная человѣческая жизнь и скоротечна, и исполнена самыхъ неожиданныхъ превратностей, случайностей, перемѣнъ и метаморфозъ. Вотъ, напримѣръ, живетъ небольшой составъ лицъ, объединенный солидарными интересами, задачами и цѣлями, старается свои задачи и цѣли возможно лучше понять, разъяснить и осуществить на дѣлѣ. Вдругъ или смерть, нерадостная гостья, вырываетъ того или другого члена изъ этой среды, или извѣстнаго рода обстоятельства уменьшаютъ число лицъ корпорации, вынуждая одного или вѣсколькихъ членовъ оставить ее, благодаря чему нормальная жизнь на время тормозится, является невольный застой въ дѣятельности до тѣхъ поръ, пока корпорация восполнится новыми лицами. Наконецъ жизнь снова вошла въ норму; послѣ невольнаго застоя она еще болѣе начинаетъ оживляться. Вдругъ снова убилъ и такъ далѣе безъ конца... Этотъ законъ непостоянства и перемѣнъ за послѣднее четырехлѣтiе особенно ощутительно тяготѣеть надъ нашей Астраханской семинаріей. За это время изъ ея небольшого кружка преподавателей, состоящаго всего изъ 12 — 13 лицъ, выбыло три члена, умершихъ въ самую цвѣтущую пору своей жизни и дѣятельности. Недостающее число лицъ было пополнено, благодаря чему школьная жизнь вошла въ свою обычную колею: всѣ кафедры заняты, преподаватели съ усердіемъ относятся къ своему дѣлу, ученики своимъ вниманіемъ поддерживаютъ энергію преподавателей... И вотъ — снова эта жизнь, только что начавшая течь своимъ нормальнымъ порядкомъ, нарушается: семинарская корпорация опять лишается одного изъ своихъ членовъ — преподавателя Я. И. Туберцова, рано и преждевременно, судя по человѣчески, злая болѣзнь стравивала покойнаго въ холодную могилу. Я. И. оставилъ здѣшній міръ въ такихъ лѣтахъ, когда для человѣка наступаетъ полный разцвѣтъ жизненныхъ силъ и энергіи. Въ такихъ лѣтахъ служебное поприще человѣка, собственно гонора, только еще начинается. Организмъ въ такіа лѣта вполнѣ развивается, и окрѣвшія тѣлесныя силы бываютъ способны къ упорной работѣ. Духовныя качества и умственный кругозоръ обезпечиваютъ ученому человѣку завидную будущность на поприщѣ педагогик. Грозный часъ немолимой смерти засталъ Я. И. какъ разъ въ то время, когда онъ началъ быть вполнѣ способнымъ приносить обильные плоды чрезъ насажденіе сѣмянъ науки въ умахъ учащагося юношества. Благодарные питомцы всегда будутъ съ любовью вспоминать о безвременно почившемъ.

„Постараемся въ краткихъ словахъ очертить личность покойнаго съ одной стороны, какъ преподавателя въ смыслѣ ученаго, а съ другой, какъ

преподавателя человѣка. Говоря объ Я. И., какъ человѣкъ науки, нельзя причислить его ни къ извѣстнымъ подъ общимъ характернымъ именемъ „само-родковъ“, нельзя было называть его преподавателемъ-философомъ, каковымъ именемъ называются иногда люди извѣстнаго умственного склада: ни то, ни другое не было приложимо къ Я. И.; нѣтъ—это былъ преподаватель, достаточно изучившій далеко не бѣдную литературу своего предмета и потому пріобрѣтшій довольно обильный запасъ свѣдѣній по своему предмету и старившійся добросовѣстно подѣлиться этими свѣдѣніями со своими питомцами. Какъ преподаватель человѣкъ, Я. И. былъ любимъ воспитанниками за свой ровный, спокойный характеръ, за свою снисходительность какъ къ успѣхамъ, такъ и къ дѣтскимъ выходкамъ своихъ питомцевъ. Никто никогда не видѣлъ Я. И. чѣмъ либо оскорбленнымъ или возмущеннымъ, никто ни разу не слышалъ отъ него грубаго слова или строгой нотации. Съ провинившимся Я. И. всегда обходился очень мягко, старался возможно спокойно выставить всю неприглядность извѣстнаго дѣйствія. Таковъ же былъ Я. И. и по отношенію къ успѣхамъ своихъ питомцевъ. Онъ никогда не проявлялъ наружу своей досады при плохомъ отвѣтѣ воспитанника, никогда не выражалъ негодованія на лѣнившагося, но опять-таки мягкими и кроткими словами увѣщанія доводилъ воспитанника до сознанія своей неразумности при подобномъ отношеніи къ дѣлу. Плохіе баллы Я. И. ставилъ съ единственною цѣлію побудить ученика къ ученію. И эта мѣра всегда приносила желаемые результаты. Но отказывалъ Я. И. ученикамъ въ бесѣдахъ по интересующимъ ихъ вопросамъ и помимо урока. Помню: послѣдній урокъ въ VI классѣ покойный не мало посвятилъ бесѣдѣ о томъ, что есть человѣкъ и чѣмъ онъ долженъ быть въ обществѣ. Спокойно и ровно текла его рѣчь. Говорилъ онъ о томъ, что нужно вырабатывать въ себѣ истинныя убѣжденія, которыя одни только составляютъ неоцѣненное и неуязвимое сокровище человѣка; говорилъ о чести, руководиться которой нужно при прохожденіи своихъ обязанностей. „Берегите свою честь, гг.“, говорилъ Я. И. „Дорожите своимъ честнымъ именемъ въ обществѣ. Но сохрани васъ Богъ отъ лжи. Самый умный человѣкъ при даже малой безчестности совершенно теряетъ свою цѣну въ глазахъ общества. Пускай васъ Богъ обдѣлилъ умомъ... Что же изъ этого?... Гораздо лучше быть хотя и недоучкой, но человѣкомъ честнымъ, чѣмъ имѣть громадный умъ, но быть лжецомъ“, заключилъ свою рѣчь покойный.

„Вотъ тѣ черты, которыя обращали на себя вниманіе въ покойномъ Я. И. Память о немъ надолго останется въ сердцахъ его признательныхъ питомцевъ. За свое трудолюбіе и честность покойный вполне достоинъ всякаго уваженія и благодарной памяти. Лучшимъ выраженіемъ этой памяти должна служить теплая молитва о почившемъ. Помолимся и теперь, бл. сл., о бла-

женно почившемъ рабѣ Божиємъ Іаковѣ, да вселить его Господь Богъ вмѣстѣ съ праведными. Аминь.“

Отпѣваніе Я. И. Туберозова совершали: о. ректоръ семинаріи протоіерей К. В. Ястребовъ, протоіерей И. М. Туберозовъ, протоіерей П. Г. Ильинскій и священники: Ѳ. А. Архангельскій, В. Г. Кортневъ, М. И. Туберозовъ, М. Д. Благодравовъ, Т. П. Березинъ, Вл. Я. Лебединскій, Вас. Я. Лебединскій и В. И. Водоупѣтовъ. Благоговѣнное служеніе сонма духовенства, стройное и умиленное пѣніе семинарскихъ пѣвчихъ, видъ отца и брата Я. И., пораженныхъ скорбію, но участвовавшихъ въ отпѣваніи дорогаго покойника, группа скорбящихъ сестеръ и братьевъ почившаго съ безутѣшною его матерью во главѣ, печальныя лица родныхъ и знакомыхъ, — все это производило глубокое впечатлѣніе на молившихся, которыхъ во времени отпѣванія собралось въ храмѣ изрядное количество. Передъ пѣніемъ кондака „Со святыми упокой“ ученикъ VI-го класса духовной семинаріи Д. Смирновъ произнесъ слѣдующую надгробную рѣчь:

„Дорогой наставникъ!

„Не успѣли мы оправиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на насъ смерть уважаемаго нашего наставника, твоего сослуживца, Мих. Плат. Малицкаго, какъ вѣсть о твоей смерти снова поразила наше любящее сердце. Мы всѣ были исполнены такихъ радостныхъ надеждъ на твое скорое выздоровленіе, такъ были увѣрены, что еще увидимся съ тобой и по прежнему будемъ наслаждаться твоими пріятными бесѣдами на урокахъ церковной исторіи, — что вѣсть о твоей смерти поразила насъ какъ громомъ. Никто не думалъ, чтобы исходъ болѣзни былъ именно таковъ. Всѣ были убѣждены въ противномъ, потому что предъ отъѣздомъ изъ семинаріи на каникулярное время всѣ были обрадованы извѣщеніемъ докторовъ, что кризисъ болѣзни миновалъ, можно надѣяться на выздоровленіе, и что нашему дорогому наставнику Як. Илар. представляется даже возможность поѣхать въ Ялту съ тѣмъ, чтобы окончательно поправить свое расшатанное педагогическою дѣятельностью здоровье. Но радость наша была не долговременна: всѣ свѣтлыя ожиданія наши порвались, какъ струна, и каждый изъ учениковъ Як. Илар. услышавъ о его смерти, издалъ тяжелый жалобный вздохъ съ чисто-сердечнымъ, искреннимъ душевнымъ пожеланіемъ: „Царство ему небесное!“

„Конечно, другого исхода въ данный моментъ нельзя придумать, какъ примиреніе съ фактомъ смерти. Рокъ смерти неумолимъ: онъ преслѣдуетъ и стараго, и малаго, богатаго и убогаго. Такъ скажетъ всякій посторонній человѣкъ; такъ скажемъ и мы, когда теченіемъ времени будутъ излѣчены душевныя наши рапы. Но не такъ говоритъ каждый изъ присныхъ Якова Илар., не такъ говоримъ и мы, когда стоимъ предъ бездыханнымъ трупомъ нашего дорогаго наставника и когда чрезъ нѣсколько времени отъ